

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ВЫБОР КУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЫ ИСЛАМСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Валерия Пчелинцева*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-2-67-24-36

***Введение.** Право государства выбирать культурную систему является следствием принципа невмешательства в дела, по существу входящие в его внутреннюю компетенцию. Хотя в отечественной доктрине подчеркивается необходимость уточнять содержание основных принципов международного права, не удастся найти исследования, посвященные данному праву государств. Исследования позиции Организации исламского сотрудничества и ее государств-членов по вопросам права государства выбирать культурную систему немногочисленны. При этом исторические, культурные и религиозные особенности государств-членов ОИС оказывают влияние на объем их международно-правовых обязательств.*

***Материалы и методы.** Настоящее исследование направлено на выявление особенностей реализации права выбирать культурную систему государствами-членами ОИС и их влияния на квалификацию вопросов, относящихся ко внутренней компетенции данных государств. В рамках исследования проведен историко-правовой и системный анализ принципов и норм общего международного права, закрепляющих право государства выбирать себе культурную систему, а также анализ их применения в актах ОИС и конституционном законодательстве государств-членов Организации на примере Арабской Республики Египет, Исламской Республики Иран, Королевства Саудовская Аравия и Республики Ирак.*

***Результаты исследования.** Суверенное и неотъемлемое право государства выбирать себе экономическую, политическую, социальную и культурную систему было закреплено в универсальных, региональных и двусторонних международно-правовых актах в результате кодификации и прогрессивного развития норм международного права во второй половине XX в. Реализация данного пра-*

* Пчелинцева Валерия Викторовна, аспирант кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: lintseva.l@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-2231-0598

ва ограничена международно-правовыми обязательствами государств. Закрепление в конституционном законодательстве государства его исторических, культурных и религиозных особенностей следует квалифицировать как одну из форм реализации его права на выбор культурной системы.

Обсуждение и заключение. *В случаях, когда исторические, культурные и религиозные особенности государства являются основами его государственного и общественного строя, правовое регулирование таких исторических, культурных и религиозных особенностей следует относить ко внутренней компетенции государств. При этом данные особенности следует считать не подлежащими в принципе регулированию нормами международного права. Акты ОИС закрепляют ограничения реализации права государства выбирать культурную систему, а также позицию государств-членов Организации относительно случаев, когда вмешательство в реализацию данного права является недопустимым. Приверженность исламским принципам некоторых государств-членов Организации следует характеризовать не только как их историческую, культурную и религиозную особенность, но и как основу их государственного и общественного строя, по существу составляющую сферу их внутренней компетенции.*

Введение

Право государства выбирать политическую, экономическую, социальную и культурную систему является следствием принципа невмешательства в дела, по существу входящие в его внутреннюю компетенцию, по смыслу Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г. (далее – Декларация о принципах международного права 1970 г.) Вопрос о содержании данного принципа, представляющего собой один из основных принципов современного международного права, является предметом научной дискуссии [19. С. 570]. Исследование принципа невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства, затруднено противоречивой практикой государств и непоследовательным выражением их официальных позиций в отношении такой практики [21. С. 2-3], а также с отсутствием общепризнанного определения понятия «дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства» в международном праве [19. С. 573; 25. С. 463].

Многочисленные исследования посвящены квалификации различных форм вмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства, с точки зрения международного права [19. С. 575; 21. С. 10; 23. С. 24]. При этом не удается найти исследования содержания рассма-

триваемого принципа с опорой на международно-правовые акты, закрепляющие право государства выбирать культурную систему. В отечественной доктрине международного права подчеркивается необходимость уточнить содержание основных принципов международного права [8. С. 7], учитывая его изменчивость [5. С. 30; 7. С. 44; 14. С. 39-40] и влияние на толкование прав и обязательств государств «применительно к потребностям эпохи» [9. С. 8-9].

Настоящее исследование направлено на выявление особенностей реализации права государства выбирать себе культурную систему государствами-членами Организации исламского сотрудничества (далее – ОИС) и их влияния на квалификацию вопросов, относящихся ко внутренней компетенции данных государств. Исследователи международно-правовых аспектов деятельности ОИС указывают на недостаточное внимание юристов-международников к особенностям данной Организации [22. С. 788]. При этом исторические, культурные и религиозные особенности государств-членов ОИС оказывают влияние как на их правовые системы [12. С. 205-222; 13. С. 222-245], так и на объем их обязательств по международному праву [3. С. 13-22; 10. С. 1145-1155].

Исследование

Теоретической основой историко-правового и системного анализа принципов и норм общего международного права, закрепляющих право государства выбирать себе

культурную систему, послужили публикации отечественных и зарубежных ученых, посвященные основным принципам международного права. Эмпирическую основу исследования составили универсальные, региональные и двусторонние международно-правовые акты, а также решения международных судебных органов.

Анализ применения принципов и норм общего международного права, закрепляющих право государства выбирать себе культурную систему, и в актах ОИС проведен с опорой на публикации отечественных и зарубежных исследователей международно-правовых аспектов деятельности данной Организации. Предметом исследования являются международные договоры и акты рекомендательного характера, принятые в рамках ОИС.

Для выявления особенностей реализации права выбирать культурную систему государствами-членами ОИС проведен сравнительный анализ конституционного законодательства четырех государств: Арабской Республики Египет, Исламской Республики Иран, Королевства Саудовская Аравия и Республики Ирак. Исторические, культурные и религиозные особенности данных государств оказывают влияние на их правовые системы и международно-правовую политику. При этом государственной религией или религией большинства населения данных государств являются разные течения ислама¹. Особенности международно-правовой позиции государств о соотношении международного права и их исторических, культурных и религиозных особенностей исследованы на примере универсальных международно-правовых актов о защите и поощрении прав человека.

Право государства выбирать себе культурную систему в общем международном праве

Представители дореволюционной отечественной науки международного права допускали возможность вмешательства во внутренние дела других государств на определенных правовых основаниях, «отражая

положение в международном праве того времени» [9. С. 135]. При этом в первой половине XX в. норма международного права о невмешательстве в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государств, имела договорную, а не обычно-правовую природу [25. С. 453]. В то же время государства, отношения между которыми регулировались международным правом, не признавали идею суверенного равенства западных и восточных государств [14. С. 24]. Утверждение в международном праве принципов равенства государств и невмешательства в дела, по существу входящие в их внутреннюю компетенцию, поспособствовало снятию ограничений суверенитета восточных государств, в том числе будущих государств-членов ОИС [9. С. 138-139].

В 1980-е гг. норма о невмешательстве в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государств, была признана международным обычаем [25. С. 454]. В решении Международного суда ООН по Делу о военных и полувоенных действиях в Никарагуа и против нее от 27 июня 1986 г. закреплена позиция данного международного судебного органа о том, что «принцип невмешательства <...> является неотъемлемой частью обычного международного права»². В советской науке того времени данный принцип характеризовался как императивная норма общего международного права (*jus cogens*) с неограниченной сферой действия *rationae personae*, *rationae loci* и *rationae materiae*, закрепляющая обязательства всеобщего характера (*erga omnes*) [9. С. 6-8]. Хотя в современной юридической доктрине вопрос об императивной природе основных принципов международного права остается дискуссионным [1. С. 23], в трудах отечественных и зарубежных ученых широко распространена их квалификация как норм *jus cogens* [11. С. 539; 17. С. 10; 18. С. 98].

Первые универсальные и региональные международно-правовые акты, закрепляющие содержание основных принципов современного международного права не содержат положений о праве государств выбирать политическую, экономическую, соци-

¹ В соответствии со ст. 12 Конституции Исламской Республики Иран 1979 г. с изменениями 1989 г. (далее – Конституция Исламской Республики Иран 1979 г.) официальной религией государства признается Ислам в толковании джафаритского мазхаба двенадцатников (шиитское течение). Большинство населения Республики Ирак является приверженцами шиитского, а большинство населения Арабской Республики Египет и Королевства Саудовская Аравия – суннитского течения ислама.

² International Court of Justice. URL: <https://www.icj-cij.org/case/70/judgments> (accessed 17.05.2023).

альную и культурную систему³. Среди универсальных международно-правовых актов, впервые закрепивших положения о данном праве государств, - Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета 1965 г.⁴, Декларация о принципах международного права 1970 г.⁵, Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств 1981 г.⁶ Данные международно-правовые акты характеризуют право государств выбирать политическую, экономическую, социальную и культурную систему как неотъемлемое и являющееся частью нормативного содержания принципа невмешательства в дела, по существу входящие во внутренние дела государства. При этом государства, принявшие текст Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.⁷, относят данное право государства к содержанию принципа суверенного равенства государств. Л.Ф. Дамрош указывает на то, что по меньшей мере государства, принявшие Декларацию 1970 г., действовали с намерением закрепить в ней принципы правового, а не политического характера [21. С. 8].

Международно-правовые акты государств-членов ОИС содержат положения о праве государств выбирать себе политическую, экономическую, социальную и культурную систему. Так, в соответствии со ст. II Двустороннего соглашения между Республикой Афганистан и Исламской Республикой Пакистан о принципах взаимоотношений и, в частности, о невмешательстве и об отказе от интервенции от 14 апреля 1988 г.

Высокие Договаривающиеся стороны обязуются уважать данное «суверенное и неотъемлемое право другой Высокой Договаривающейся стороны»⁸. Стороны Декларации Исламской Республики Иран и Российской Федерации о повышении роли международного права 2020 г. считают данное суверенное и неотъемлемое право государств «одним из элементов принципа невмешательства в их внутренние или внешние дела»⁹.

Советская доктрина связывает закрепление права государств выбирать себе политическую, экономическую, социальную и культурную систему с уточнением содержания принципа суверенного равенства государств, возникшего в результате объединения существовавших ранее принципов уважения суверенитета и равенства государств [9. С. 46]. В то же время советские юристы-международники отмечают, что обязанность не вмешиваться в осуществление государством рассматриваемого права составляет «сердцевину международно-правового принципа невмешательства» [9. С. 143]. С точки зрения современной доктрины международного права принцип невмешательства, как отмечает А. Геррейро, «однозначно направлен на защиту суверенного и неотъемлемого права государства свободно определять свою политическую, экономическую, социальную и культурную систему» [23. С. 24]. Установить точное содержание данного права на современном этапе развития международных отношений представляется невозможным, поскольку международное право не может регулировать отношения внутри государств, исходя из их самостоятельности, территориального верховенства

³ К данным международно-правовым актам принято относить Конвенцию Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 г., Устав Организации Объединенных Наций 1945 г., Устав Организации американских государств 1948 г. и Проект статей о правах и обязанностях государств 1949 г.

⁴ Принята резолюцией № 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml (дата обращения: 16.05.2023).

⁵ Принята резолюцией № 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 16.05.2023).

⁶ Принята резолюцией № 36/103 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1981 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml (дата обращения: 16.05.2023).

⁷ Принят Первым саммитом глав государств и правительств государств-членов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1 августа 1975 г. // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. URL: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505> (дата обращения: 16.05.2023).

⁸ Цифровая библиотека Организации Объединенных Наций. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/41127?ln=ru> (дата обращения: 16.05.2023).

⁹ Посольство Исламской Республики Иран в Москве. URL: <https://russia.mfa.gov.ir/ru/newsview/599271> (дата обращения: 16.05.2023).

и политической независимости [2. С. 172; 8. С. 173; 15. С. 5].

А. Фердросс определяет политическую независимость как «способность государств самостоятельно принимать решения по их внутренним и внешним делам в рамках международного права» [16. С. 207]. При этом объем внутренних дел государства меняется «как в зависимости от развития международных отношений и международного права, так и в результате принятия государством новых международных обязательств» и, как следствие, объем такой компетенции может быть определен только «применительно к определенному государству и с учетом конкретных обстоятельств» [8. С. 186-187]. Данное утверждение соответствует позиции Постоянной палаты международного правосудия, выраженной в Консультативном заключении об указах о гражданстве, принятых в Тунисе и Марокко от 7 февраля 1923 г., согласно которой вопрос о том, входит ли тот или иной вопрос в сферу внутренней компетенции государства по существу является относительным (*essentially relative*) и зависит от развития международных отношений»¹⁰. Н. Алупи отмечает, что «внутренняя компетенция» государства состоит из тех сфер, в которых оно еще не приняло на себя никаких международно-правовых обязательств [19. С. 574]. Поскольку право государства выбирать себе культурную систему следует из принципа невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства, его реализация обусловлена вышеуказанными ограничениями.

Ограничения рассматриваемого права являются следствием, например, обязанности государств сотрудничать друг с другом. В соответствии с положениями Декларации о принципах международного права 1970 г. государства сотрудничают в экономической, социальной и культурной областях, а также в области науки и техники и содействуют прогрессу в мире в области культуры и образования. При этом государства осуществляют свои международные отношения в экономической, социальной, культурной,

технической и торговой областях в соответствии с принципами суверенного равенства и невмешательства.

Действующее международное право закрепляет иные обязательства государств, ограничивающие реализацию права государств выбирать культурную систему. Например, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. закрепляет обязательство государств принимать во всех областях, включая культуру, все соответствующие меры для обеспечения всестороннего развития и прогресса женщин (ст. 3), изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин с целью достижения искоренения предрассудков и упразднения определенных обычаев и практик (ст. 5) и обеспечить, чтобы семейное воспитание включало в себя правильное понимание материнства и признание общей ответственности мужчин и женщин за воспитание и развитие своих детей (ст. 5)¹¹. В соответствии с Конвенцией об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 г. государства стремятся создать на своей территории такую среду, которая помогает отдельным лицам и социальным группам создавать, производить, распространять и распределять свои собственные формы культурного самовыражения и иметь доступ к ним, а также иметь доступ к различным формам культурного самовыражения, возникшим как на их территории, так и в других странах мира (ст. 7)¹².

В современной доктрине международного права является дискуссионным теоретический вопрос о том, в какой степени государство может ограничить сферу своей внутренней компетенции, не утрачивая существенные признаки государства [19. С. 574]. Отечественные юристы-международники традиционно относили к сферам, которые в принципе не подлежат международно-правовому регулированию, вопросы общественного и государственного строя любого государства [8. С. 53]. По общему правилу, закрепление в конституционном законодательстве государства его исторических,

¹⁰ Series B: Collection of Advisory Opinions (1923-1930) // International Court of Justice. URL: <https://www.icj-cij.org/pcij-series-b> (accessed: 17.05.2023).

¹¹ Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 17.05.2023).

¹² Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml (дата обращения: 17.05.2023).

культурных и религиозных особенностей следует квалифицировать как одну из форм реализации его права на выбор культурной системы. Однако в той степени, в которой данные особенности государства являются элементами его государственного и общественного строя, их правовое регулирование относится ко внутренней компетенции государства. В данном случае возникает необходимость определения тех исторических, культурных и религиозных особенностей, которые составляют существенные признаки государства и, как следствие, не могут в принципе быть предметом регулирования международного права.

Принимая на себя обязательства по Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Арабская Республика Египет, Государство Бруней Даруссалам, Государство Катар, Государство Кувейт, Государство Ливия, Исламская Республика Мавритания, Королевство Бахрейн, Королевство Марокко, Королевство Саудовская Аравия, Малайзия, Мальдивская Республика, Народная Республика Бангладеш, Объединенные Арабские Эмираты, Республика Индонезия, Сирийская Арабская Республика и Султанат Оман сделали оговорки и заявления о намерении имплементировать ее положения в той степени, в которой они не противоречат предписаниям шариата (исламу, исламскому шариату и т. д.). Следует констатировать, что данные оговорки не только ограничивают объем обязательств государств по международному праву, но и разграничивают вопросы, подлежащие регулированию нормами общего международного права, и вопросы, относящиеся ко внутренней компетенции государства. К последним следует отнести и вопросы соблюдения государствами предписаний шариата (ислама, исламского права).

Право государства выбирать себе культурную систему в актах Организации исламского сотрудничества

К принципам Устава Организации исламская конференция 1972 г., закрепленным в ст. 2 данного международного дого-

вора, относятся уважение принципа невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государств-членов, и уважение их суверенитета, независимости и территориальной целостности¹³. При этом согласно ст. 1 учредительного акта Организации, она преследует цели поощрения исламской солидарности и укрепления сотрудничества между государствами в экономической, социальной и культурной сфере. Данные цели связаны с историческими, культурными, религиозными особенностями государств-членов Организации.

Статья 1 Устава ОИС 2008 г. закрепила дополнительные цели Организации, связанные с историческими, культурными и религиозными особенностями государств-членов. К ним относятся распространение, поощрение и защита исламских учений и ценностей, основанных на умеренности и терпимости, поощрение исламской культуры и защита исламского наследия (п. 11), защита истинного образа (*true image*) ислама и борьба с его дискредитацией (п. 14), а также защита исламских семейных ценностей (п. 14)¹⁴. Статья 2 Устава закрепляет международно-правовое обязательство государств-членов Организации «руководствоваться и вдохновляться великими (*noble*) исламскими учениями и ценностями» для достижения ее целей. При этом государства обязаны следовать принципам уважения суверенитета, политической независимости и равенства в правах и обязанностях государств-членов (п. 2, 4) и невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государств (п. 4).

Конвенция ОИК о борьбе с международным терроризмом 1999 г.¹⁵ закрепляет международно-правовые обязательства государств-членов, связанные с их историческими, культурными и религиозными особенностями. В соответствии с ч. 4 ст. 4 данного международного договора Договаривающиеся Государства сотрудничают в поощрении информационной деятельности и поддержке средств массовой информации в целях противодействия злонамеренным кампаниям (*vicious campaigns*) против ислама, защищая его истинный образ; во включении

¹³ United Nations Treaty Series. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20914/volume-914-I-13039-English.pdf> (дата обращения: 17.05.2023).

¹⁴ Organisation of Islamic Cooperation. URL: https://www.oic-oci.org/upload/documents/charter/en/oic_charter_2018_en.pdf (дата обращения: 17.05.2023).

¹⁵ Organisation of Islamic Cooperation. URL: https://ww1.oic-oci.org/english/convention/terrorism_convention.htm (дата обращения: 26.05.2023).

высоких человеческих ценностей, воспрепятствующих терроризму, в школьную программу и в поддержке усилий по развитию исламской мысли, основанной на учении о джихаде¹⁶.

Указанные выше международные договоры закрепляют обязательства государств, связанные с осуществлением их права на выбор культурной системы. Таким образом, определенные вопросы, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государств-членов ОИС или государств-участников Конвенции ОИК о борьбе с международным терроризмом 1999 г., становятся предметом регулирования норм международного права, созданных на межрегиональном уровне. Следует констатировать, что государства, ограничивающие свои обязательства по универсальным международным договорам теми, которые не противоречат предписаниям шариата, но в то же время принимающие на себя обязательства, связанные с поощрением развития и применением исламских учений, выражают согласие на правовое регулирование вопросов, по существу относящихся к их внутренней компетенции, межрегиональными, но не универсальными нормами международного права.

При этом согласно п. (а) ст. 25 Каирской декларации ОИС о правах человека 2020 г.¹⁷, представляющей собой акт рекомендательного характера, защита и поощрение прав человека, закрепленных в ней, не должны наносить ущерб принципам ислама или национальному законодательству государств. Ничто в Декларации не может быть истолковано таким образом, который подрывает обязательства государств-членов ОИС по универсальным и региональным международным договорам, а также их суверенитет и территориальную целостность (п. (b) ст. 25).

Акты главных органов ОИС не содержат положений о неотъемлемом праве государств-членов свободно выбирать себе экономическую, социальную и культурную систему. В актах Исламского саммита¹⁸ и Совета министров иностранных дел ОИС¹⁹ закреплена позиция государств-членов Организации о праве палестинского народа на самоопределение и независимость. Отечественная наука традиционно относила право народов на определение своего общественного строя и решение внутренних вопросов, включая вопросы культуры и религии, без какого-либо постороннего вмешательства к содержанию принципов равноправия и самоопределения народов и невмешательства во внутренние дела [9. С. 175]. При этом право народов на решение внутренних вопросов культуры аналогично, но не тождественно праву государств самостоятельно выбирать себе культурную систему. Первое право присуще народам, осуществляющим свое право на самоопределение. Осуществление данного права не во всех случаях связано с созданием суверенного государства. Второе указанное право присуще исключительно суверенным государствам.

Исследователи международно-правовой позиции ОИС по вопросам защиты и поощрения прав человека указывают на то, что «государственный суверенитет и принцип невмешательства во внутренние дела государств-членов ОИС имеют приоритет над принципами ислама и защитой прав человека» [24. С. 253]. При этом, как отмечает Г.И. Тункин, «вторжение» регулирующего воздействия международного права в область прав человека не означает <...> того, что они перестали быть в основном внутренними делами государства» [14. С. 69]. Современное международное право, указы-

¹⁶ Первоначально термин «джихад» означал борьбу в защиту и за распространение ислама. При этом еще с раннего периода распространения ислама вопрос о том, обозначает ли данный термин вооруженную борьбу с неверными во имя торжества ислама, является дискуссионным [4, с. 66-67].

¹⁷ Принята резолюцией № 63/47-POL 47-ого Совета министров иностранных дел ОИС в ноябре 2020 г. // Организация исламского сотрудничества. URL: https://www.oic-oci.org/upload/pages/conventions/en/CDHRI_2021_ENG.pdf (дата обращения: 26.05.2023).

¹⁸ Resolution 1/13-PAL (IS) on the Cause of Palestine and Al-Quds Al-Sharif adopted by the 13th Session of the Islamic Summit Conference held in Istanbul on 10-15 April 2016; Resolution on the Cause of Palestine and Al-Quds Al-Sharif Adopted by the Twelfth Islamic Summit in Cairo on 6-7 February 2013 et al. // Organisation of Islamic Cooperation. URL: <https://www.oic-oci.org/confdetail/?cID=6&lan=en> (дата обращения: 26.05.2023).

¹⁹ Resolution no. 1/49-Pal on the Cause of Palestine adopted by the 49th Session of the Council of Foreign Ministers of the Organization of Islamic Cooperation held in Nouakchott on 16 – 17 March 2023; Resolution no. 1/48-Pal on the Cause of Palestine adopted by the 48th Session of the Council of Foreign Ministers of the Organization of Islamic Cooperation held in Islamabad, on 22 – 23 March 2022 et al. // Organisation of Islamic Cooperation. URL: <https://www.oic-oci.org/confdetail/?cID=11&lan=en> (дата обращения: 27.05.2023).

вает В.А. Карташкин, «отличается системой основных принципов и общепризнанных норм, которые постепенно признаются всеми членами международного сообщества в качестве обязательных» [6. С. 9-10].

Следует констатировать, что международно-правовая политика государств-членов ОИС направлена на разграничение вопросов, по существу относящихся к их внутренней компетенции, и вопросов, подлежащих регулированию современным международным правом. Результатом осуществления такой международно-правовой политики является не только «постепенное и синкретическое восприятие норм международного права исламским правом» [22. С. 790], но и кодификация и прогрессивное развитие региональных, межрегиональных и универсальных норм международного права, предметом регулирования которых являются исторические, культурные и религиозные особенности государств-членов ОИС. При этом акты ОИС, не закрепляя непосредственно неотъемлемое право его государств-членов выбирать себе культурную систему, содержат положения об ограничениях данного права, а также о случаях, в которых реализации данного права государством не может быть нанесен ущерб.

Право государства выбирать себе культурную систему в конституционном законодательстве государств-членов Организации исламского сотрудничества

Исследователи международно-правовых аспектов деятельности ОИС отмечают, что влияние ислама на правовые системы ряда государств-членов Организации привело к тому, что данная религия легла в основу всей их правовой и политической системы [20. С. 172-173]. С точки зрения международного права приверженность исламским принципам некоторых государств-членов Организации следует характеризовать не только как историческую, культурную и религиоз-

ную особенность, закрепленную в их конституционном законодательстве в результате реализации права данных государств на выбор культурной системы, но и как основу их государственного и общественного строя, по существу составляющую сферу их внутренней компетенции. Данная особенность реализации права государств на выбор культурной системы характерна, например, для Основного низама о правлении Королевства Саудовская Аравия 1992 г.²⁰, Конституции Исламской Республики Иран 1979 г.²¹, Конституции Республики Ирак 2005 г.²² и Конституции Арабской Республики Египет 2014 г. с изменениями 2019 г.²³ (далее – Конституция Арабской Республики Египет 2014 г.).

Преамбула основного закона всех четырех государств начинается с характерной для юридической техники исламских государств формулировки «Во имя Аллаха, (самого) милостивого и милосердного». Согласно преамбуле Конституции Исламской Республики Иран 1979 г., основной закон государства «закрепляет культурные, социальные, политические и экономические институты народа Ирана, которые основаны на исламских принципах и нормах и отражают основополагающие желания (*fundamental desires*) исламского народа». Преамбула закрепляет концепцию «исламского правления» (*Islamic Government*), в соответствии с которой осуществляется управление государством. Преамбула Конституции Арабской Республики Египет 2014 г. «подтверждает, что принципы исламского шариата являются основным источником законодательства».

Основной закон Арабской Республики Египет (ст. 1), Королевства Саудовская Аравия (ст. 1) и Республики Ирак (ст. 3) закрепляет принадлежность данных государств к исламскому (мусульманскому) миру. Основной закон всех четырех государств содержит положения о том, что ислам является их официальной (государственной) религией²⁴.

²⁰ The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia in Washington, DC. URL: <https://www.saudiembassy.net/basic-law-governance> (дата обращения: 30.05.2023).

²¹ FAOLEX Database // Food and Agriculture Organisation of the United Nations. URL: <https://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC127540/> (дата обращения: 30.05.2023).

²² FAOLEX Database // Food and Agriculture Organisation of the United Nations. URL: <https://www.fao.org/faolex/results/details/ru/c/LEX-FAOC128541/> (дата обращения: 29.05.2023).

²³ The Supreme Standing Committee for Human Rights of Egypt. URL: <https://sschr.gov.eg/en/the-egyptian-constitution/> (дата обращения: 30.05.2023).

²⁴ Статья 1 Основного низама о правлении Королевства Саудовская Аравия 1992 г., ст. 12 Конституции Республики Ирак 2005 г., ст. 1 Конституции Исламской Республики Иран 1979 г. и ст. 2 Конституции Арабской Республики Египет 2014 г.

В соответствии с Конституцией Исламской Республики Иран 1979 г. форма правления данного государства – исламская республика. Основным закон Королевства Саудовская Аравия (ст. 8) и Исламской Республики Иран (ст. 1, 2, 11, 14 и др.) содержат положения об осуществлении государственного управления в соответствии с принципами исламского шариата. При этом ст. 7 Основного низама о правлении Королевства Саудовская Аравия 1992 г.²⁵, ст. 2 Конституции Исламской Республики Иран 1979 г., ст. 1 Конституции Республики Ирак 2005 г. и ст. 2 Конституции Арабской Республики Египет 2014 г. провозглашают принципы исламского шариата главным источником законодательства государства (*source of legislation*). При этом форму правления и источники законодательства следует относить к основам государственной и общественной системы.

Следует констатировать, что положения ст. 9 Конституции Исламской Республики Иран 1979 г. закрепляют гарантии права на выбор экономической, политической, социальной и культурной системы государства. Согласно положениям данной статьи, защита свободы, независимости, единства и территориальной целостности государства являются обязанностью правительства и всех граждан. Ни один индивид, группа индивидов, государственный орган или должностное лицо (*authority*) не вправе вмешиваться в какой-либо форме в политическую, культурную, экономическую или военную независимость или территориальную целостность Ирана, обосновывая данные действия осуществлением своей свободы.

Положения основного закона рассматриваемых государств о соотношении международного и национального права различны. Согласно ст. 81 Основного низама о правлении Королевства Саудовская Аравия 1992 г. применение данного акта не должно нарушать обязательств Королевства Саудовская Аравия по отношению к иным государствам, международным организациям и

органам. В соответствии со ст. 151 Конституции Арабской Республики Египет 2014 г. во всех случаях недопустимо заключение международного договора, положения которого противоречат основному закону государства. Конституция исламской Республики Иран 1979 г. и Конституция Республики Ирак 2005 г. не содержат общих положений о соотношении международного и национального права.

Все четыре рассматриваемых государства участвовали в разработке и принятии текста Всеобщей декларации прав человека 1948 г., причем Королевство Саудовская Аравия является единственным исламским государством, воздержавшимся от голосования о принятии итогового текста Декларации²⁶. Согласно позиции государства, данный международно-правовой акт «основывается главным образом на западных образцах культуры, которые зачастую отличаются от культуры восточных государств», однако это «не означает, что Декларация противоречит последней»²⁷. Королевство Саудовская Аравия также является единственным из рассматриваемых государств, не принявшим на себя обязательства по Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г. и Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.²⁸ Принимая на себя обязательства по указанным международным договорам, Исламская Республика Иран и Арабская Республика Египет сделали заявления и оговорки о намерении выполнять обязательства по данным международным договорам в той степени, в которой они соответствуют предписаниям исламского шариата. Правительство Республики Ирак не сделало заявлений или оговорок, принимая на себя обязательства по данным международным договорам.

Рассматриваемые государства являются участниками универсальных международных договоров о защите прав отдельных категорий населения. Принимая на себя обязательства по Конвенции о ликвидации

²⁵ Исключительной особенностью Основного низама о правлении Королевства Саудовская Аравия 1992 г. является провозглашение Корана и сунны Пророка конституцией данного государства (ст. 1).

²⁶ General Assembly, Verbatim records of meeting No. 183 // Universal Declaration of Human Rights. Paris, 10 December 1948. Selected preparatory documents (in chronological order) // Audiovisual Library of International Law. URL: <https://legal.un.org/avl/ha/udhr/udhr.html> (дата обращения: 30.05.2023).

²⁷ Third Committee of the General Assembly, Summary records of meeting No. 91 // Universal Declaration of Human Rights. Paris, 10 December 1948. Selected preparatory documents (in chronological order) // Audiovisual Library of International Law. URL: <https://legal.un.org/avl/ha/udhr/udhr.html> (дата обращения: 30.05.2023).

²⁸ Chapter IV: Human Rights // United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/pages/Treaties.aspx?id=4&subid=A&clang=_en (дата обращения: 28.05.2023).

всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. и Конвенции о правах ребенка 1989 г., Арабская Республика Египет и Королевство Саудовская Аравия сделали в отношении каждого из данных международных договоров оговорку о намерении выполнять те обязательства, закрепленные данными международными договорами, которые не противоречат предписаниям исламского шариата. Принимая на себя обязательства по Конвенции о правах инвалидов 2006 г. Арабская Республика Египет сделала заявление о толковании с опорой на концепцию правоспособности, закрепленную в национальном законодательстве государства.

Исламская Республика Иран не является участником Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., однако при ратификации Конвенции о правах ребенка 1989 г. государство сделало оговорку о том, что оно оставляет за собой право не применять те положения Конвенции, которые несовместимы с предписаниями исламского шариата или вступивших в силу международно-правовых актов (*international legislation in effect*). При этом ст. 21 Конституции Исламской Республики Иран 1979 г. закрепляет обязательство государства обеспечить права женщин во всех сферах в соответствии с исламскими принципами, а также достигнуть определенные в статье цели, направленные на защиту прав женщин и детей.

Республика Ирак не сделала оговорок, направленных на ограничение ее международно-правовых обязательств теми, которые не противоречат предписаниям исламского шариата, принимая на себя обязательства по рассматриваемым международным договорам.

Заключение

Право государства выбирать себе экономическую, политическую, социальную и культурную системы было закреплено в универсальных, региональных и двусторонних международно-правовых актах в результате кодификации и прогрессивного развития норм международного права во второй половине XX в. В универсальных, региональных и двусторонних международно-правовых актах государств, а также в доктрине

международного права оно характеризуется как суверенное и неотъемлемое право государств, которое ограничено их международно-правовыми обязательствами. При этом в случаях, когда исторические, культурные и религиозные особенности государства, установленные в результате реализации его права на выбор культурной системы, являются основами его государственного и общественного строя, правовое регулирование таких исторических, культурных и религиозных особенностей государств следует относить к вопросам, по существу относящимся к его внутренней компетенции. При этом данные особенности в принципе не подлежат регулированию международным правом.

Акты ОИС не содержат положений о неотъемлемом праве государств-членов свободно выбирать себе экономическую, социальную и культурную систему. При этом международно-правовые акты, принятые под эгидой данной организации, закрепляют международно-правовые обязательства государств-членов, ограничивающие реализацию данного права, а также их международно-правовую позицию о случаях, в которых его реализации не может быть нанесен ущерб. Международно-правовая политика ОИС и ее государств-членов направлена на разграничение вопросов, по существу относящихся к их внутренней компетенции, и вопросов, подлежащих регулированию современным международным правом. Результатом ее осуществления являются кодификация и прогрессивное развитие региональных, межрегиональных и универсальных норм международного права, направленных на регулирование исторических, культурных и религиозных особенностей государств-членов ОИС.

Конституционное законодательство четырех исследованных государств-членов ОИС закрепляет исторические, культурные и религиозные особенности в качестве элементов их государственного и общественного строя. Данная особенность характерна для некоторых, но не всех государств-членов Организации. При этом три из четырех изученных государств ограничивают объем своих обязательств по данным международным договорам теми, которые не наносят ущерб их историческим, культурным и религиозным особенностям.

Литература:

1. Абашидзе А. Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 19-30.
2. Аречага Х. Общие принципы международного права, регулирующие поведение государств // Современное международное право. 1983. 480 с.
3. Иванов Д. В., Пчелинцева В. В. Международная защита и поощрение прав человека в Организации исламского сотрудничества: современные тенденции // Право и управление. XXI век. 2021. Т. 17. № 2. С. 13-22.
4. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
5. Карташкин В. А. Изменение нормативного содержания основных принципов современного международного права // Московский журнал международного права. 2015. № 1. С. 29-39.
6. Карташкин В. А. Права человека и развитие международного права // Российский ежегодник международного права. 2017. Т. 2017. С. 9-19.
7. Колодкин Р. А. Фрагментация международного права // Московский журнал международного права. 2005. № 2. С. 38-61.
8. Курс международного права в VI томах. Т. 2. М., 1967.
9. Курс международного права в VII томах. Т. 2. М., 1989.
10. Пчелинцева В. В., Иванов Д. В. Защита прав человека в Организации исламского сотрудничества: между универсализмом и культурным релятивизмом // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15. № 8. С. 1145-1155.
11. Синякин И. И., Скуратова А. Ю. Нормы *jus cogens*: исторический аспект и современное значение для международного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 41. С. 526-545.
12. Сюкияйнен Л. Р. Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 205-222.
13. Сюкияйнен Л. Р. Фикх - источник современного права в арабских странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 222-245.
14. Тункин Г. И. Теория международного права. М., 2016.
15. Ушаков Н. А. Суверенитет и его воплощение во внутригосударственном и международном праве // Московский журнал международного права. 1994. № 2. С. 3-21.
16. Фердросс А. Международное право. М., 1959. 652 с.
17. Черниченко С. В. Взаимосвязь императивных норм международного права (*jus cogens*) и обязательств *erga omnes* // Московский журнал международного права. 2012. № 3. С. 3-17.
18. Черниченко С. В. Контуры международного права. М., 2014.
19. Aloupi N. The Right to Non-intervention and Non-interference // Cambridge International Law Journal. 2015. Vol. 4. No. 3. P. 566-587.
20. Castillo V. L. G., Ángeles J. C. Islam and International Organizations: the Organization of Islamic Cooperation // Evolutions in the Law of International Organizations. Brill Nijhoff, 2015. P. 171-191.
21. Damrosch L. F. Politics across borders: Non-intervention and nonforcible influence over domestic affairs // American Journal of International Law. 1989. Vol. 83. No. 1. P. 1-50.
22. Farrar S. The Organisation of Islamic Cooperation: Forever on the Periphery of Public International Law? // Chinese Journal of International Law. 2014. Vol. 13. No. 4. P. 787-817.
23. Guerreiro A. The legal status of the principle of non-intervention // Moscow Journal of International Law. 2022. No. 1. P. 6-26.
24. Gunn T. J., Lagresa A. The Organisation of Islamic Cooperation: Universal Human Rights, Islamic Values, or Raisons d'Etat // Human Rights and International Legal Discourse. 2016. Vol. 10. P. 248-274.
25. Naigen Z. The principle of Non-interference and its Application in Practices of Contemporary International Law // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2016. Vol. 9. P. 449-464.

IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO CHOOSE A CULTURAL SYSTEM BY ISLAMIC STATES: A COMPARATIVE ANALYSIS

Introduction. The right to choose the state's cultural system derives from the principle of non-interference in the matters within its domestic jurisdiction. Although the necessity to precise the content of the main principles of international law has been outlined in the Russian international law doctrine, hardly any research focusing on the right to choose cultural system can be found. The research on international law position of the Organization of Islamic Cooperation and its Member States concerning the right to choose the state's cultural system is lacking despite the fact that historical, cultural and religious particularities of the Member States of the OIC affect the scope of their obligations under international law.

Materials and Methods. The research aims to discover the particularities of the exercise of the right to choose cultural system by the Member States of the OIC and their impact on the qualification of matters within domestic jurisdiction of these states. The research includes historical and systemic legal analysis of the principles and norms of general international law concerning the right to choose the state's cultural system and their application in OIC acts and constitutional law of OIC Member States on the example of the Arab Republic of Egypt, Islamic Republic of Iran, Kingdom of Saudi Arabia and Republic of Iraq.

Results. The sovereign and inalienable right to choose the state's economic, political, social and cultural system was enshrined in universal, regional

and bilateral international law acts in the result of codification and progressive development of international law norms in the second half of XXth century. The exercise of this right is limited by the state's international law obligations. Including provisions on the state's historical, cultural and religious particularities in the state's basic law should be considered as a form of exercising its right to choose cultural system.

Discussion and Conclusions. If historical, cultural and religious particularities of a state constitute the basis of its state and social system, the legal regulation of these particularities should be considered the matter of its domestic jurisdiction. Thus, such particularities may not be regulated by international law. OIC acts enshrine the limitation of the exercise of the right to choose the state's cultural system as well as the Member States' position as regards cases when interference in the exercise of this right is not permissible. The attachment of some OIC Member States to the principles of Islamic Sharia should be considered not only as their historical, cultural and religious particularity but also as a basis of their state and social system, which falls within their domestic jurisdiction.

Valeria V. Pchelintseva,
Postgraduate Student,
International Law Department,
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Ключевые слова:

международное право; принципы международного права; невмешательство во внутренние дела государства; суверенное равенство государств; Организация исламского сотрудничества; права человека; исламское право; шариат

Keywords:

international law; principles of international law; non-interference in domestic affairs; sovereign equality of states; Organization of Islamic Cooperation; human rights; Islamic law; sharia

References:

1. Abashidze A. H., 2017. Principy mezhdunarodnogo prava: problem ponjatijno-soderzhatel'ongo haraktera [Principles of International Law: Problems of Terminology and Content]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. No. 4. P. 19-30.
2. Arechaga H., 1983. Obshhie principy mezhdunarodnogo prava, regulirujushhie povedenie gosudarstv [General Principles of International Law Governing the Conduct of States]. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo [Modern International Law]*. 480 p.

3. Ivanov D. V., Pchelintseva V. V., 2021. Mezhdunarodnaja zashhita i pooshhrenie prav cheloveka v Organizacii islamskogo sotrudnichestva: sovremennye tendencii [International Protection and Promotion of Human Rights by the Organization of Islamic Cooperation: Modern Tendencies]. *Pravo i upravlenie. XXI vek. [Journal of Law and Administration]*, T. 17. No. 2. C. 13-22.
4. Islam. Jenciklopedicheskiy slovar' [Islam. Encyclopedic Dictionary]. M., 1991.
5. Kartashkin V. A., 2015. Izmenenie normativnogo soderzhanija osnovnykh principov sovremennogo mezhdunarodnogo prava [Changes in the Normative Content of the Main Principles of International Law]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*, No. 1. C. 29-39.
6. Kartashkin V.A., 2017. Prava cheloveka i razvitie mezhdunarodnogo prava [Human Rights and Development of International Law]. *Rossijskiy ezhegodnik mezhdunarodnogo prava [Russian Yearbook of International Law]*, Vol. 2017. P. 9-19.
7. Kolodkin R. A. 2005. Fragmentacija mezhdunarodnogo prava [Fragmentation of International Law]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*, No. 2. P. 38-61.
8. Kurs mezhdunarodnogo prava v VI tomah [Course of International Law in VI Volumes]. Vol. 2. 1967.
9. Kurs mezhdunarodnogo prava v VII tomah [Course of International Law in VII Volumes]. Vol. 2. 1989.
10. Pchelinceva V. V., Ivanov D. V., 2022. Zashhita prav cheloveka v Organizacii islamskogo sotrudnichestva: mezhdunarodnyy aspekt i kul'turnyy relativizm [Protection of Human Rights in the Organization of Islamic Cooperation: between Universalism and Cultural Relativism]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanitarian Sciences]*, 2022. Vol. 15. No. 8. P. 1145-1155.
11. Sinjakin I. I., Skuratova A. Ju., 2018. Normy jus cogens: istoricheskiy aspekt i sovremennoe znachenie dlja mezhdunarodnogo prava [Jus Cogens Norms: Historical Aspect and Modern Significance for International Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki [Herald of Perm University. Legal Sciences]*, No. 41. P. 526-545.
12. Sjukijajnen L. R., 2016. Konstitucionnyy status shariata kak istochnika zakonodatel'stva v arabskikh stranah [Constitutional Status of Shari'a as a Source of Legislation in Arab Countries]. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly jekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*, No. 4. P. 205-222.
13. Sjukijajnen L. R., 2019. Fikh - istochnik sovremennogo prava v arabskikh stranah [Fiqh as a Source of Modern Law in Arab States]. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly jekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*, No. 4. P. 222-245.
14. Tunkin G. I. Teorija mezhdunarodnogo prava [Theory of International Law]. 2016.
15. Ushakov N. A., 1994. Suverenitet i ego voploshhenie vo vnutrigosudarstvennom i mezhdunarodnom prave [Sovereignty and its Implementation in National and International Law]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*, No. 2. P. 3-21.
16. Ferdross A., 1959. Mezhdunarodnoe pravo [International Law].
17. Chernichenko S. V., 2012. Vzaimosvjaz' imperativnykh norm mezhdunarodnogo prava (jus cogens) i objazatel'stv erga omnes [Interconnection between the Peremptory Norms of International Law (Jus Cogens) and Erga Omnes Obligations]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*, No. 3. P. 3-17.
18. Chernichenko S. V., 2014. Kontury mezhdunarodnogo prava [Contours of International Law].
19. Aloupi N., 2015. The Right to Non-intervention and Non-interference. *Cambridge International Law Journal*, Vol. 4. No. 3. P. 566-587.
20. Castillo V. L. G., Ángeles J. C., 2015. Islam and International Organizations: the Organization of Islamic Cooperation. *Evolutions in the Law of International Organizations*. P. 171-191.
21. Damrosch L. F., 1989. Politics across borders: Non-intervention and nonforcible influence over domestic affairs. *American Journal of International Law*, Vol. 83. No. 1. P. 1-50.
22. Farrar S., 2014. The Organisation of Islamic Cooperation: Forever on the Periphery of Public International Law? *Chinese Journal of International Law*, Vol. 13. No. 4. P. 787-817.
23. Guerreiro A., 2022. The legal status of the principle of non-intervention. *Moscow Journal of International Law*, No. 1. P. 6-26.
24. Gunn T. J., Lagresa A., 2016. The Organisation of Islamic Cooperation: Universal Human Rights, Islamic Values, or Raisons d'Etat. *Human Rights and International Legal Discourse*, Vol. 10. P. 248-274.
25. Naigen Z., 2016. The principle of Non-interference and its Application in Practices of Contemporary International Law. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, Vol. 9. P. 449-464.